

Издается с января 1925 года

Хамид АЛИМДЖАН

КОГДА ЦВЕТЕТ УРЮК

ЛИРИКА

Перевод с узбекского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

ВНИМАНИЮ АВТОЛЮБИТЕЛЕЙ

● Различные несчастные случаи, аварии, а порой и стихийные бедствия приносят владельцам транспортных средств немалый материальный ущерб. Помочь в таких жизненных ситуациях призван договор страхования средства транспорта.

● На страхование принимаются принадлежащие гражданам автомобили, мотоциклы, мотороллеры, мопеды, Мотоколяски, мотонарты.

● Договор гарантирует компенсацию ущерба, возникшего в результате похищения средства транспорта, аварии (дорожно-транспортного происшествия), пожара, взрыва, удара молнии, бури, урагана, ливня и других стихийных бедствий.

● Страховая сумма устанавливается по желанию автолюбителя в пределах стоимости транспортного средства. Договор может быть заключен на срок от двух месяцев до года.

● Размер платежа зависит от вида средства транспорта, срока договора и величины страховой суммы. Причем чем выше страховая сумма и дольше срок договора, тем ниже ставка платежа.

● Заключив договор на действительную стоимость транспортного средства, можно обеспечить возмещение ущерба в полном размере (т. е. без учета скидки на износ поврежденных деталей и частей).

● Для более подробного ознакомления с условиями рекомендуем обратиться в инспекцию государственного страхования или к агенту, обслуживающему Ваше предприятие, учреждение или организацию. Страхового агента можно пригласить на дом для заключения договора.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ СССР.
ПРАВЛЕНИЕ.

ISSN 0132-2095. Б-ка «Огонек». 1990. № 18. 1—32.

ОГОНЁК

№ 18

1990

Хамид АЛИМДЖАН

КОГДА ЦВЕТЕТ
УРЮК

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Хамид АЛИМДЖАН

Родился в 1909 г. в г. Джизаке. Отец умер в 1912 г., когда мне было 4 года. Он был сначала торговец, а потом крестьянин. Будучи сиротой, я до 13 лет остался на воспитании матери, после революции начал учиться в советской школе. Советская школа открыла мне дорогу в жизнь. В 1923 г., окончив начальную школу, поехал в Самарканд, где поступил в Узбекский инпрос. Учился до 1928 г., после окончания его поступил в Педакадемию, ныне Узбекский государственный университет имени Алишера Навои. В 1931 г. окончил общий экономический факультет и был переведен в Ташкент на работу.

Находясь в Ташкенте, некоторое время работал ответ. секретарем газеты «Яш-Ленинчи», с 1932 по 1934 г. работал в Научно-исследовательском институте культурного строительства в качестве старшего научного сотрудника по литературе. С 1934 по 1936 г. эту работу продолжал в Институте языка и литературы имени Пушкина. Имею ряд трудов научно-критического характера. Сейчас работаю заместителем Председателя Юбилейного Комитета основоположника узбекской литературы великого Алишера Навои.

Свою писательско-поэтическую деятельность начал с 1926 г. со школьной скамьи. Все время сотрудничал и участвовал в республиканских газетах и журналах.

Был членом писательских организаций «Кзыл Калям», УзАПП. Будучи студентом Педакадемии в Самарканде в 1939 г., несколько месяцев был секретарем «Кзыл Калям». Член Союза советских писателей СССР. Член Президиума Союза писателей УзССР. Имею 20 книг. На узбекский язык переводил произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Максима Горького, Тараса Шевченко, Н. Островского и др.

Меня воспитал комсомол. Член ВЛКСМ с 1924 г.

Указом Президиума Верховного Совета Узбекской ССР от 23 декабря 1939 г. награжден значком «Участник строительства БФК».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1939 года награжден орденом «Знак Почета». В 1940 году стал Председателем правления Союза писателей республики, а в 1943 году был избран членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР.

1940

Хамид АЛИМДЖАН

УЗБЕКИСТАН

Когда брожу по стране родной,
Странное чувство владеет мной:
Землю ее цветущих садов —
Что ни миг — целовать я готов.
Расскажам людей внимать люблю —
Мысли и песни в душе коплю.
С песней вдоль рек родных прохожу,
С песнями я по долинам брожу.
Но краше всех легенд старины
Нынешний облик моей страны.
Вот он вновь предо мною возник,
Край мой родной, мой пышный цветник.
Солнцем и синевой осиян,
Звонко названный — Узбекистан!
О родина-мать, как ты хороша!
Тобой через край полна душа.
Словно невеста, счастливая ты —
У ног твоих пестреют цветы.
Это долина, радуя взор,
Свой живой расстилает ковер,
Как мириады алых пиал,
Тюльпаны в горах красней, чем лал.
Чело твое венчает убор
Снежных серебряно-белых гор,
И полноводны, и широки,
Тебя омывают две реки,
Их живой водой побежден,
С глаз людских убегает сон.
Радостный закипает труд,
Без песни не работают тут.
Щедро за труд человеку воздав,
Хлопок растет, высок и курчав,
Яблони, цвет осыпав с ветвей,

Никнут под сладкой ношей своей,
Гнется колос под грузом зерна...
Богата моя родная страна!
В поле — работа. Войдешь в города —
И здесь не смолкает песня труда,
Люди на фабриках ткут, прядут,
Радостен в стране моей труд.
Нет, страной скорпионов и змей
Мой край теперь называть не смей!
Эта экзотика нам смешна:
Она не такая, наша страна!
Свободен и счастлив наш народ —
Тутовый червь нам шелк дает,
Пчелы рады свой мед нам дать,
Птицы не любят от нас улетать,
Солнце здесь светит целый день,
Чтобы довольства и счастья полна,
Была прекрасна наша страна.
Верен по-прежнему розе своей,
Теперь не стонет над ней соловей,
Новой ее красотой восхищен,
Счастлив в моей стране и он.
Поэты газели поют, но стих
Теперь не отравлен слезами их.
Матери над колыбелью поют —
Судьбу своих детей не клянут.
Счастливая на все времена —
Вот такая моя страна!

СМЕРТЬ ОФЕЛИИ

1

Запела бы, но петь не можешь ты,
Нет голоса в душе твоей печальной.
Прижала к сердцу белые цветы,
Но в сердце мрак молитвы поминальной.

2

Как ни рыдай, как ни взывай к судьбе,¹
Как ни кори ее, — не жди участия:
Не внемлет ни упрекам, ни мольбе
И бескорыстным не приносит счастья.

Пусть ты бела, как снег, чиста, как лед,
Пусть не виновна никакой виною, —
К твоей любви судьба не снизойдет,
И отпоют любовь твою весною.

Кто и зачем сиянье двух светил
Вселил в глаза и в два рубина нежных,
Твои уста волшебным превратил,
Кто сотворил две груди белоснежных?

Кто красотою покори́л тебя?
И без того тяжка девичья доля, —
Ждут девушек, их молодость губя,
Обман и торг, страданье и неволя.

И без того бы мучилась душа, —
О нет, не только с девушкой красивой
И с тою, что собой нехороша,
Обходится судьба несправедливо.

Запела бы, но петь не можешь ты,
Нет голоса в душе твоей печальной.
Прижала к сердцу белые цветы,
Но в сердце мрак молитвы поминальной.

О, для того ль тебя растила мать,
Чтоб облегалo траурное платье
То тело, что, как снег, должно блистать?
Неужто в этом красоты заклетье?

Подумай-ка, природа, и ответь:
Неужто красоту ты сотворила
Затем, чтоб ей до времени сгореть,
Чтоб ранняя ждала ее могила?

Природа, как дурны дела твои!
Ужель краса достойна наказанья?
Ужель должны сопутствовать любви
Всегда и всюду слезы и терзанья?

3

Любила ты, и он тебя любил,
Шел с трепетом к заветному порогу,
Его твой взор небесный опалил,
Но рад был Гамлет этому ожогу.

Рубиновые теплые уста
Дарили сердцу Гамлета отраду,
Парила высоко его мечта,
Когда ты по его гуляла саду.

Как быть? Что делать? Как теперь спасти
Возлюбленное сердце от напасти?
Все стало мраком на его пути,
Обрушилось на Гамлета несчастье.

Мысль подозреньями обожжена,
Весь мир — страданье, Дания — темница,
Нигде нет света, жизнь обречена:
Любовь — в цепях, а сердцу — в клетке биться.

Хоть сердце полюбило навсегда,
Едва слышны слова любви глухие.
Безумным принца сделала беда,
Которую превозмогли б другие.

Как ни молись, ни бейся, ни кричи —
Не успокоится смятенный разум.
Внимает Гамлет призраку в ночи
И покоряется его рассказам.

Ни ангелы не стоят ни гроша,
Ни чистый поцелуй, ни кущи рая.
В аду пылает Гамлета душа,
Весь мир за сновиденье принимая.

4

Сгорели твои белые цветы,
Любовь твоя бесценная сгорела,
И счастья жизни не изведав, ты,
Невинная, блаженная, сгорела.

Небесная любовь лишилась крыл,
И небо оказалось пепелищем, —
Так старый мир любовь испепелил
И без нее стал погорельцем нищим.

1936

ВОСПОМИНАНИЕ О ЧИМГАНЕ

Длинноглазые лани в горах,
По-девичьи прелестна их стать,
И до неба, где ветер шумит в облаках,
Мне сегодня рукою подать.

На горе, что с отметиной белой во лбу,
Сам себе я кажусь муравьем,
И меня посвящают в ее ворожбу
Каждый камень и каждый подъем.

Соткала из цветов здесь природа ковры,
Все волнует и радует глаз:
Предо мною весь год — все четыре поры
Собрались воедино сейчас!

Скалы — словно сказанья седой старины,
Вечный снег на вершинах блестит,
На отрогах — фиалки, как дети весны,
В долах — жаркое лето гостит.

В роднике — красоты изначальная суть,
Всюду речь водопада слышна,
И с тюльпаном в руке совершает свой путь,
Словно с кубком багряным, весна.

На пути моем синих озер зеркала —
Неподвижно-прозрачная гладь,
И цветам, мне неведомым, нету числа,
Как цветам имена подобрать?

Непостижна природа — дика и робка,
В ней — дремучая темень и свет.
Внемля гулу воды или дрожи цветка,
Разве не онемееет поэт?

И забыв о приличьях, на землю я лег,
Как в мальчишеские года,
И хотя за глотком жадно делал глоток,
Роднику не принес я вреда.

1936

РОССИЯ

О Россия! Россия! Могучая родина,
Беспредельно огромная, как небосвод.
Даже солнце, пока полпути им не пройдено,
Тебя сразу лучом своим не обоймет.

Поезда в многодневном пути задыхаются,
Пробежав от закатной черты на восход.
Птицы с неба, не раз отдыхать опускаются,
Совершая над ширью твоей перелет.

Сокрушит твоя сила все злые напасти,
Землю солнце любви твоей светом зальет.
Ты воздвигла твердыню свободы и счастья,
Где семья твоих братьев-народов живет.

Честь великая — дней своих встретить начало
В колыбели твоей, под напевы твои.
В каждом доме, где Пушкина имя звучало,
Дышит, свято хранима, и речь Навои.

О, какую громадою дум обняла меня
Моя память у дальних твоих берегов!..
И увидел я меч твой карающий в пламени,
Под Москвой опрокинувший орды врагов.

И когда в эти лютые зимние стужи
Птицы падают замертво в снег на лету,
Твои дети, могучие, храбрые мужи,
Гонят вражьи полки, как заря темноту.

Под лучами любви твоей солнце светлеет,
Под лучами любви твоей тают снега,
Но под гневом священным твоим цепенеет
И во прах сокрушается сила врага.

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я.
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость
от кости,—
И пролить свою кровь за тебя я готов!

1943

У ЧЕРНОГО МОРЯ

Чудесный будет день: деревья на горе
Зарделись, засветились,
И, говорят, звезда видала на заре,
Как солнце к нам катилось.

Чудесный будет день: едва дрожит самшит
Под ветерком с побережья.
Чудесный будет день: ночным дождем промыт,
Прозрачен воздух свежий.

Чудесный будет день: где за волной волна
Бессонная гесется,
Гляжу я вдаль — она, как я, напряжена:
Мы ждем явления солнца.

Люблю его сильнее, чем любит пламень свой
Огнепоклонник истый!
День беломраморный, оправлен синевою,
Пришел тропой лучистой:

1936

ЮНОСТЬ

Юность легкой ласточкой умчалась,
Улетела, словно не была.
И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Я стою над пасмурным простором,
Дует ветер на море с земли.
Море, всюду море... А над морем —
Облаков косматых корабли.

Улетела, прошумев крылами...
Разве я успел сдружиться с ней,
Насладился яркими цветами,
Надышался юностью моей?

Разве я... Но ласточкой умчалась,
Улетела, словно не была,

И в руках протянутых осталось
Лишь перо из синего крыла.

Ну, прощай! Прощай, моя отрада,
Золотая ласточка, прощай!
Между нами — снежных гор преграда
И степной необозримый край.

Окружен я ветром и простором.
Междубурье. Дождевая мгла.
Море, всюду море... А над морем —
Свежий след от синего крыла.

1932

КОГДА НАСТУПАЕТ НОЧЬ...

В полный час для жизни всей
Обычно наступает роздых
И спит, закутанная в воздух,
Земля, и все, что с ней, —

Но вот сейчас без перерыва
Шумит река, шумит овраг,
Шумит весь мир, уйдя во мрак,
Как в пропасть, как на дно обрыва.

Заснуть мешает этот шум, —
И я никак не успокоюсь, —
Толкает он меня на поиск
И новых слов, и новых дум.

Спускаюсь я к реке, и тучи
Расходятся, луну открыв,
И льется свет быстротекущий
На дол, на реку, на обрыв.

Кто говорит со мной — не знаю:
Лебяжья ль облачная сень,
Иль эта длинная, ночная,
Моя же собственная тень,

Или мерцающие камни
В реке, иль быстрая струя...
Обжег небесный свет глаза мне,—
И светится душа моя.

Гляжу на небосвод высокий,
Где облака легки, как пух,
Где самолет парит, как сокол,
Тревожа зрение и слух,—

И вновь зовет меня бумага,
Бежит перо в моей руке,
На стихотворном языке
Все говорит:
Речная влага,

И облако, и лунный свет.
И камни, и обрыв, и воздух,
И время, и земля, и звезды,—
И чудно близится рассвет.

1936

В МОЕМ ВООБРАЖЕНИИ

Ты, как в речном течении,
Волшебница-луна,
В моем воображении
Весь день отражена.

Иду к реке, измученный
Любовью и тоской,
И над речной излучиной
Склоняюсь в час ночной.

И знают ночь прохладная,
Лукавых звезд гурьба:
Ты — боль моя отрадная,
И счастье, и судьба.

Дышу прохладой вольною,
И месяц молодой

Уже луною полною
Сияет над водой.

Все тихо. Только шепчется
Волна, прильнув к волне,
О той, кого волшебница
Напоминает мне.

1936

НАСТРОЕНИЕ

Откуда пришло ты и вторглось в сознание,
Смутило мне душу тревогою темной?
Зачем дружелюбья разрушило зданье
И сделало думы толпою бездомной?

Страну мою мысли мои облетали,
В них были горенье, порыв, откровенье,
А в чувствах моих — в их строю, в их накале, —
Чудесно господствовало вдохновенье.

Струна только дрогнет — и звука довольно,
Чтоб душу мелодия заморозила.
Воробушек малый чирикает вольно
О том лишь, чему его мать научила.

Слух сердца я чутко настроил сначала,
Дал разуму волю — все было на страже
И напряженно, и мешала мне даже
Случайная муха, что вдруг прожужжала.

Постой, дай продлиться волшебному свету,
Пускай завершится картина цветная!
Постой, допишу я последнюю эту
Страницу, в кровь сердца перо окуная.

1937

ПОИСКИ НОЧИ

По небу полная луна
Плывет, меж туч яснея,

Ночь ищет на земле она,
И звезды ищут с нею.

А ночь пропала без следа —
Тень над землею тает.
В ложбине мутная вода
И та — в лучах блистает.

И на закат плывет луна
С закрытыми очами,
А вся земля озарена
Рассветными лучами.

1937

КОГДА ТОСКУЕШЬ ПО ВЕСНЕ...

Ветер... Зима на дутарах играет:
В танце кружится серебряный снег.
Сердце дыханье весны ощущает,—
Песней пробился в нем юный побег!

Смейся, весна, молодыми устами
Землю целуй, опьяняющий день,
Рощи, холмы разукрасив цветами,
Щедро природу в шелка разодень!

Ты закипи и прорвись сквозь бураны,
Чтобы прийти к нам неожиданной, желанной!
Радостью каждый росток напои,
Как напоила ты песни мои.

Я по горам, как пастух, как влюбленный,
Буду бродить, обнимая весну,
А ввечеру у ключа, утомленный,
Сном животворным усну...

1928

ХУЛЬКАР

Моей дочери

Разверни свои крылья над югом
И по звездным путям полети.
Шаловливым и резвым подругам
Ты цветы накажи принести.

Озари нам и горы и доли
Ранним утром и в блеске ночей.
Когда месяц нам сыплет в подола
Вороха серебристых лучей.

Будь подобна весеннему чуду,
Будь причастна весенней судьбе,
И, куда ни пойдешь ты, повсюду
Пусть сопутствует счастье тебе.

Пусть, увидев тебя, розы вспыхнут.
Все земное собой оживи!
Пусть, увидев тебя, люди стихнут
И сгорят соловьи от любви!

1937

КОГДА ЦВЕТЕТ УРЮК...

Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвел урюк.

Каждый цветик, на ветке дрожа,
Славу жизни страстно запел.
Теплый ветер, зарю сторожа,
Первый запах украть успел.

Что ни год, приходит в цветах,
Обольстит и уходит весна.
Что с бесстыдницей делать? Ах,
Ведь опять обманет она!

Но, забыв обиды свои,
На весенний глядя расцвет,

Я твержу: «О пора любви,
Будет счастье мне или нет?»

Нежно глядя щеки мои,
Ветер шепчет: «Счастье с тобой!»
И чирикают все воробьи:
«Пой, счастливец, радуйся, пой!»

Выйду в сад, по дорожкам пройду, —
Лунной ночью, солнечным днем, —
Все мне радо в белом саду,
Все мне тайно поет об одном:

«Мир цветов пред тобой возник,
Унеси его в спальню весь,
Но обилен счастья цветник,
Не снесешь — оставайся здесь.

И за всех, ушедших давно,
Кто в слезах без цветов зачах,
Право счастья тебе дано
В белых-белых урючных садах...»

Под окном моим за ночь вдруг
Белый-белый расцвел урюк.

1937

ШАХИМАРДАН

(Баллада)

1

Прохладный ветерок,
По склону пролетая,
Пылающий флажок
Несет навстречу мне.
Здесь кровь кипевшая, за счастье пролитая,
В могиле каменной уснула в тишине.
Той кровью окроплен флажок и неустанно
Трепещет на крутой горе Шахимардана...

Картины прошлого передо мной стоят —
Род умирающий спасенья ищет в мести.
Вот бай, мулла, кулак, собравшиеся вместе.
На языке их — мед, а в сердце — черный яд.

Ревнители чалмы, поборники Корана
Смеются злобно на горе Шахимардана...
Круг жизни завершен — тебя уж больше нет.

Здесь ты родился, здесь и умер ты, поэт!
Картины прошлого стоят передо мной:
Плетутся лошади по тропке каменистой.
Скрипят колеса арб над самой крутизной.
Клубится пыль тропы над пылью водянистой.
Поток, могуч и скор,
С круглых сбегает гор —
Поток стремительный, поток Шахимардана,
Шумя, ворочающий камни непрестанно.
Картины прошлого стоят передо мной:
Живя среди красот, под синим сводом неба,
Среди хрустальных вод, среди листвы сквозной,
Несчастный человек, куска лишенный хлеба,
Отчаявшись, пошел против судьбы войной.
Вдоль тальника струясь, поющие арыки
Поили не его прохладною волной.
В его судьбе зима дышала и весной.
Несчастный человек и мученик великий,
Отчаявшись, пошел против судьбы войной.

Картины прошлого стоят передо мной:
С природой райскою Шахимардан гористый
Был баем превращен в постылый ад земной,
В обитель ужаса, в паучий дом нечистый.
Жестокий бай душил дехкан, шепча: «Аллах!»
Он грязною душой окутал страхом души
Людей, чья жизнь прошла в нужде, в голодных днях,
В арбах с чужим добром, в слезах, во тьме и стуже.
Прожившие всю жизнь с отчаяньем в сердцах,
Искали бедняки от бедствий избавленья,
Флажки святы с волосками на концах
Повесив на ветвях и плача в исступленье.
Часами кланяясь, молилась нищета
В местах безрадостных, где и не пахло богом,
«Благодарю, аллах... жизнь наша — суета...»
И вновь склонялись лбы к земле в смирение строгое.
Как листья осени, унылы и желты,
Они светильник над могилой защищали.
Мечты о счастье — непрестанные мечты —
К порогу байскому их за землей толкали —
Как будто горсть земли от байского порога

Способна счастье дать, умиловить бога...
Так жизнь кончается у бедняка —
Раба, поденщика в чапане рваном,
Раба, что черствого лишен куска,
Раба, что и воды лишен глотка,
Раба, родившегося под Кейваном.
Чужой себе и дому своему,
В своем углу, в жилище темном,
Живет он нищим и бездомным,
Растоптанным, поверженным во тьму...
Поэт, что красоту творит и ею дышит,
Поет свою газель, — но сам ее не слышит:
Он слышит стон рабов, и свист плетей,
И плач голодных маленьких детей...

2

Еще одна стоит картина предо мной:
Поют, журчат ручьи, играют с легким всплеском.
Вверху звезда горит над горной вышиной
И освещает все своим далеким блеском —
И горы, и ручьи — и весь простор земной.
И здесь поэт стоит.
Места, что мглой объаты,
Он хочет осветить, как яркая звезда,
Сердца, которые сосет паук проклятый,
Избавить хочет он от боли навсегда.

И завтра:
Тот, кто был задавлен байской властью, —
Батрак — войдет в колхоз, в могучий коллектив,
Ему не поднесут ведь на ладони счастье —
Он сам его возьмет, всех баев победив.

И завтра:
Не боясь ужасного колодца¹,
Сарви произнесет:
«Пусть кровь моя прольется,
Пусть смерть моя придет,
Но я не задрожу.
Я сброшу черную, как тучу, паранджу!
Начну другую жизнь!

¹ Женщин, нарушивших адат (мусульманский закон), фанатики, муллы и баи бросали в колодец.

И чтоб ей быть счастливой,
Пусть пропадет навек закон Корана лживый,
Аллах на небесах и в преисподней дивы!..»

И завтра:
Пионер придет сюда веселый
И выбросит навек флажки святые вон,
И знамя красное над клубом и над школой
Он утвердит — как счастья нашего закон.
И скажет:
Праздник мы устроим на вершине
В честь пламенных сердец, не знающих преград.

Мы жизнь дадим степям, безрадостной пустыне —
Их мертвенный песок потоки оживят!..»
Почувя смерть, дрожат мулла и бай свирепый:
Пришли богатыри, чтоб им за все воздать.
Их сила велика: не только рабства цепи —
Громады вечных гор им сокрушить под стать.
Хамза Хаким-заде,
Любимый всем народом,
Их пламя черное ты погасить решил,
Ты за народ пошел на бой с проклятым сбродом.
Поэт! Против тебя — вся злоба темных сил!
За то, что ты восстал на скряг и на сутяг,
Продать готовых край, народ свой за пятак,
Они тебе, поэт, смертельно мстить готовы:
Беснуются, шипят и злобно жаждут крови...

3

Сверкает над горами жаркий день,
Средь скал и круч звенит строка газели —
С вершин легко, как молодой олень,
Спускается Хаким-заде в ущелье.
Горячий день. Чуть дует ветерок.
А он поет, жары не замечает.
Меж тем поэта банда окружает —
И каждый выступ, каждый бугорок
Поэту лютой смертью угрожает...
С злорадным криком, предвкушая торжество,
Один бросается, как ястреб, на него,
Другой веревкой вяжет руки...

«Прочь с дороги!» —

Им голос времени приказывает строгий.
Но смерть уж близится...
Земля в глаза летит...

Сознание молнией внезапно бороздит
Горящий мозг...
И вот,
Как бы лишившись крыльев,
Поэт, что сладко здесь о будущем мечтал,
На окровавленные камни, обессилев,
Как дерево подрубленное, пал...
Хамза Хаким-заде, струится кровь твоя —
Сокровище бесценнейшее жизни.
Вгляни на свой кишлак, на горные края —
В последний раз, поэт, пошли привет отчизне!
Но поздно... ты лежишь... твой взор уже погас,
В твоей груди уж сердце еле бьется...
Хамза Хаким-заде, настал твой смертный час —
Дыхание с тобою расстается...

У темных сил сегодня торжество.
Кичатся:
«Видели? Еще мы живы!..»
Но обмануть не смогут никого
Улыбка палача и байский голос лживый.
Вас, баи, окрылил кровавый ваш успех.
Хотите дни свои продлить, убив поэта.
Но знайте же, что вас переживет он всех
И не спасетесь вы, свершив злодейство это!..

4

Поток, могуч и скор,
Шумя, сбегает с гор —
Стремительный поток Шахимардана.
Вода его чиста,
Как светлая мечта
Людей, творящих счастье неустанно.
Навек рассеяв мрак,
Свободным стал батрак —
Нет больше баев ни в домах, ни в поле.
Мужая с каждым днем,
Шагает он путем
Зажиточности, радости и воли.
И слышится в горах поэта гневный голос,

И вместе с ним народ свободный говорит:
«Земля на два враждебных мира раскололась,
Один — почти мертвец, другой — живет, творит». —
Так скажем гневно — наш приговор суров!
Всю жизнь, подобно жадному вампиру,
Безжалостно сосал ты нашу кровь!..»

Не умолкает гнев убитого поэта:
«О стар-ий мир, взгляни на пышный сад земли,
Взгляни на те поля зеленые вдали,
Взгляни на вьющийся в горах арык —
Все это
Мы сами создали, взрастили, провели.
Ты слышишь, старый мир, как, падая с нагорья,
Потоки пенные поют среди камней
О наших прошлых днях, о безграничном горе
И о слезах, что чище горных всех ключей.
Все на костях на наших выросло,
А сами были мы приравнены к скоту.
Как лошадей, и нас камча хлестала,
Нам было и дышать неумоготу.
И на родных лугах,
Что столько благ таят,
Враги вкушали мед,
А нам давали яд!..»

Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, весь век ты нашим жил трудом,
С утра до темноты и снова до рассвета
Зерно, как муравьи, мы в твой таскал* дом.
Весь день голодные, под солнцем раскаленным,
В изнеможении мы падали без сил,
Но старый мир, склонясь над телом утомленным,
«Ты умер или жив?» — ни разу не спросил.

«О старый мир, весь век ты прожил, лицемеря,
Слезой и слог-ом был ты каждому родня,
Но ты на смерть раба взирал глазами зверя,
Корову ж павшую оплакивал три дня...»
Не умолкает гнев убитого поэта:
«О старый мир, тебе спасенья не найти!
Мы выполним слова великого завета:
Разрушим старый мир — другого нет пути!

Нет места вам у нас, насилие и лживость,
Исчезни, старый мир,— чудовище, дракон:
Вот нашей жизни цель, вот наша справедливость.
Вот счастья нашего ликующий закон!..»

5

Прохладный ветерок,
По склону пролетая,
Пылающий флажок
Несет навстречу мне.
Здесь кровь кипевшая, за счастье пролитая,
В могиле тихой спит на горной крутизне,
Поет Шахимардан — как прежде и не пели —
На утренней заре и в полуночный час.
И в песне вод его, и в горной колыбели
Так много красоты, родившейся для нас.
И день и ночь поет река, не уставая,
Вот так и наша жизнь колхозная поет.
Величье дней и счастье создавая,
Народные сердца она к себе влечет.
И этим счастьем враг хотел владеть навечно.
Но с кровью у врага мы вырвали его,
И в этом — наша мощь, и наша человечность,
И наша истина, и наше торжество.
Ушли навеки дни муллы, ишана, бая,
Настало время хлопкороба и ткача.
То время новое, как солнце, улыбаясь,
Нам светит в лампочках чудесных Ильича.

...С вершины громкий голос раздается —
И вторит все ему на тысячи ладов.
Он в каждом вольном сердце остается,
Он в шуме ветерков и в шелесте садов.
То голос воина-певца, чье сердце было
Гранита тверже и нежнее роз,
Чья песенная закипела сила,
Чье имя носит с гордостью колхоз,
Кто в наших песнях жив, и в детских взорах,
И в заплескавшейся в степи воде,
И в тех делах, которыми везде
На благодатных солнечных просторах
Прославился колхоз «Хаким-заде».

1932

СЛЕЗЫ РОКСАНЫ

(Баллада)

Как ветер, закруживший прах,
По темным тропам Шахрихана
Плутая, кружится Роксана
Со свертком малым на руках.

Молчаньем скован скорбный рот.
Она бродяжкой бесприютной
То в узких улочках мелькнет,
То в степь умчится тенью смутной.

То удаляется она,
То исчезает вдруг из вида,
Как будто бы нанесена
Душе смертельная обида.

Постой, молодка, погоди,
Поведай: что с тобой случилось?
Что прижимаешь ты к груди?
Зачем ты ночью всполошилась?

Кого ты ищешь над рекой,
На улицах безлюдных, в поле?
Какой гонима ты тоской?
Куда спасаешься от боли?

Напрасны были бы слова —
Роксана ничего не слышит
И, различая путь едва,
Бежит, бежит, надсадно дышит.

Со свертком мечется своим...
Его ли хочет спрятать где-то
Иль хочет вихрем кочевым
Носиться до скончанья света?

Одна, на всей земле одна,
Окутанная черной ночью.
Никто не знает, где она,
И некому помочь ей...

*

Передрассветная пора.
Все спит вокруг самозабвенно.
Но вздрагивает вдруг Сарá
И просыпается мгновенно.

Встает, вздыхает тяжело,
Идет во двор, глядит: как странно!
Еще и солнце не взошло,
А двери в горницу Роксаны

Открыты настежь и постель
Пуста... Сарá похолодела,
Развеяв сна последний хмель,
Страх душу ей сковал и тело:

— Какая тут стряслась беда
С приезжей гостьей? Ведь ни крика
Не слышно было! И куда
Она бежала, горемыка?

Быть может, бродит у реки
Или в степи пустынной, темной?
Края родные далеки,
Родни здесь нету у бездомной.

Иль ненароком, не со зла
Ей рану словом нанесла я,
И, гордая, от нас ушла,
Простить обиду не желая?

Иль полюбившуюся нам
Сестру из Украины точит
Тоска по милым ей местам
И к нам она вернуться хочет?

Тревогу подняла Сарá.
И вот уже в рассвет туманный
Выходят люди со двора
На поиски Роксаны.

*

Роксана и сама, спеша,
Все ищет что-то, с плачем бродит;

Как дудочка, ее душа
Напев тоскующий выводит.

Она идет через арык,
Дувал минует молчаливый
И отдыхает, — лишь на миг
Припав к стволу плакучей ивы.

Она не знает, что Сарá,
Ее судьбой беспокоясь,
Еще задолго до утра
Соседей подняла на поиск.

Она не слышит голосов,
Ее зовущих издалека,
Ей кажется, что мир суров —
В нем страшно так и одиноко.

И сверток на руках... Душа
О нем одном болит и ноет:
Пред этой ношей — и гроша
Богатства всей земли не стоят!

Роксана бродит где пришлось,
Полужива, полуодета,
На прядях спутанных волос
Поблескивает луч рассвета.

А взгляд тяжел. Увлажнены —
Слезами иль росой? — ресницы,
И брови скорбно взметены
Крылами обреченной птицы.

Что ждет скиталицу в пути?
То, что она, ища защиты,
Прижала бережно к груди —
От солнца даже скрыто...

*

Роксана бедная! В какой
Из книг судеб — тебе сурово
Скитаться суждено одной
Далеко от родного крова?

Ужели горести одни
Тебе здесь выпали на долю?

Что прячешь ты, таясь в тени
От света, блещущего в поле?

Ужели в ужасе слепом
Ты прячешь ношу дорогую
От глаз людских и добрый дом
Покинула, в степи кочуя?

И неужели никому
Доверить тайну не могла ты,
И друга нет, чтобы ему
Поведать боль утраты?!

*

Вот чей-то слабый зов глухой
До слуха долетел как будто.
Иль в чьем-то сердце струнный строй
Тревожно загудел как будто.

По незнакомым кишлакам
Роксана ходит как хмельная,
Прозрачен взор ее и прям:
Ей видится земля иная —

Едва лишь вспомнится она —
И сердце сразу бьется чаще
С какой-то нежностью щемящей,
Как будто грудь ему тесна.

Когда в их дом ворвался враг,—
Ища спасения, Роксана
Оставила родной очаг,
А муж подался в партизаны.

Как ей забыть село в дыму,
Пожаров пламенные жала,
Когда она в ночную тьму
С Володей на руках бежала?!

— Земля моя, ты всех милей!
Хоть стань золою — не в тебе ли
Могила матери моей,
Не мне ль была ты колыбелью?

О милая моя земля!
Когда глазенки голубые
Мой сын на мир открыл впервые,
Твои увидел он поля.

Я бы могла издалека
К тебе, родная, возвратиться,
Будь я, как сказочная птица,
И быстрокрыла и легка.

Но не вернуться мне домой!
Весь мир со мною обезумел.
Сегодня ночью... Боже мой!
Сынок... Володя... Умер...

*

Роксану ищет сельский люд:
Сара с соседями своими
То знак друг другу подают,
То громко выкликают имя.

В белесой мгле, за пядью пядь,
Они прочесывают местность.
И правду страшно им узнать,
И тягостна им неизвестность.

Одно их мучает: «Куда
Запропастилась наша гостья?»
Нигде не видно и следа,
Напрасно все, хоть плачь от злости!

Но воля у Сары крепка:
— Нет, не устану, не отстану,
Не знать покоя мне, пока
Не разыщу Роксану!

*

Роксана воспаленных глаз
Со свертка своего не сводит
И плачет, плачет, с ног валясь,
И к небу стон ее восходит.

И слышится на берегу:
— Как я земле тебя доверю?

Мертва при жизни, как смогу
Дышать я, пережив `потерю?

В потоке быстрая вода
О камень бьется головою.
В Роксане мыслей череда
Несется бурей грозною.

Так мало сил, а страх велик...
Как всплеск на пепелище,
Отчаянный взметнулся крик:
— Где христианское кладбище?

Сыночка примут ли в свою
Святую землю мусульмане?
Судьба! За что в чужом краю
Обречена я на страданье?

Куда ты занесла меня? —
На сердце горе тяжким гнетом...
Роксана шла, судьбу кляня,
К кладбищенским воротам.

*

Почтенный старец к ней из мглы
Выходит, медленно ступая;
И брови у него белы,
И борода — по грудь — седая.

Как перед встречей роковой,
Роксана молча задрожала
И только крепче сверток свой
К груди измученной прижала.

— Мир тебе, доченька! — Старик
С поклоном ей сказал негромко
И тотчас головой поник:
Он видит — в горе незнакомка.

— Отец! Мое дитя предай
Святой земле, приюту смерти.
Я потеряла отчий край,
!Прошу тебя о милосердьи!

Была бедняжка так жалка,—
Едва душа держалась в теле,—
Что на глазах у старика
Невольно слезы заблестели:

— Я сына потерял в бою,
Твоя земля его укрыла;
Теперь в твоём родном краю
Есть и родная мне могила.

Все судьбы сблизила война,
Всех мучают одни печали,
Одни страдания, боль одна,
И общими могилы стали.

Ты землю эту — мне поверь —
Чужой не назовешь отныне,
Как не чужая мне теперь
Земля далекой Украины.

Он сверток бережно берет,
Обернутый простынкой тонкой,
И слезы горестные льет,
Целуя мертвого ребенка.
Небесная светлеет синь,
И старца жаркая молитва
Кончается: «Да минет битва!
Да сгинет враг! Аминь».

~*

Всю ночь напрасно пробродив,
Сарá с большой толпой народа
Дорогою садов и нив
Пришла к кладбищенскому входу.

Какая общая тоска
Соединила на погосте
Рыдающего старика
С ее исчезнувшею гостьей?

А это тельце... Вне себя
Сарá бросается к Роксане,
И слезы брызнули, слепя,
Из сердца вырвалось стenanье.

Лежит младенец, ничего
Не слышит. Крепко сжаты губки.
Пусть личико его мертво,
Он как цветок, прекрасный, хрупкий.

Нет, не цветок веселый он,
Что солнцем вешним приголублен,
А нераскрывшийся бутон,
Который стужей зла погублен.

Лежит он. Лоб его **широк**, —
Знак долголетия и счастья, —
Покой на веках тенью лег,
Недвижны белые запястья,

Молчит безгрешное дитя,
Что лепетало без умолку,
И легкий ветерок, грустя,
Ему расчесывает челку,

Боль матери — всего больней,
На сетованья нет ответа,
И птицы певчие рассвета
Печально кружатся над ней.

Малыш уже землю взял,
Рождая в людях скорбь и жалость,
А в небе голуби летят,
В слезах Роксаны отражаясь.

Краса-Роксана, дочь тоски!
О, как судьба тебя пытала!
Ты азиатские пески
Слезами щедро напоила.

Не диво, если расцветут
Цветы в песках бывлой пустыни
И если птицы счастья тут
Жизнь возвестят отныне...

*

Рассвет развеял мглу, как сон,
И мир меняет одеянье:

Он золотом лучей пронзен
И тонет в солнечном сиянье.

И люди, вспомнив про дела,
Домой торопятся — как будто
Спокойной эта ночь была
И было тихим угро.

1944

* *
*

«Недолгую жизнь прожил этот прекрасный лирик и романтик — всего 35 лет (1909—1944), — писал поэт из Ленинграда Николай Тихонов. — Но он оставил богатое литературное наследство. Его произведения вошли в золотой фонд советской и мировой классики... Произведения Хаида Алимджана продолжают жить повсюду, где есть люди, любящие поэзию. Настоящая поэзия не знает конца, пока жив народ, на языке которого она продолжает звучать для новых поколений... Как сказал его герой Муканна (мы словно слышим слова самого поэта):

Скажите всем: я буду жить всегда!
Я не умру, о други, никогда!
В живой душе народа буду жить!
В желании свободы буду жить!

И мы свидетели этого: стихи Хаида Алимджана живут».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Автобиография	2
Узбекистан. <i>Перевод А. Пеньковского</i>	3
Смерть Офелии. <i>Перевод И. Лиснянской</i>	4
Воспоминания о Чимгане. <i>Перевод И. Лиснянской</i>	7
Россия. <i>Перевод В. Державина</i>	8
У Черного моря. <i>Перевод Р. Морана</i>	9
Юность. <i>Перевод С. Сомовой</i>	9
Когда наступает ночь .. <i>Перевод И. Лиснянской</i>	10
В моем воображении. <i>Перевод И. Лиснянской</i>	11
Настроение. <i>Перевод Р. Морана</i>	12
Поиски ночи. <i>Перевод К. Арсеновой</i>	12
Когда тоскуешь по весне...	13
Хулькар. <i>Перевод С. Липкина</i>	14
Когда цветет урюк. <i>Перевод А. Пеньковского</i>	14
Шахимардан. Баллада. <i>Перевод А. Шпирта</i>	15
Слезы Роксаны. Баллада. <i>Перевод Р. Морана</i>	22

Хамид АЛИМДЖАН

КОГДА ЦВЕТЕТ УРЮК

Составление С а б и т а М а д а л и е в а

Редактор М. М. Ж и г а л о в а

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 27.02.90. Подписано к печати 19.04.90. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,49.
Тираж 150000 экз. Зак. № 1974. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.